

Л. Е. БЕЛОЗЕРСКАЯ

«О, мёд воспоминаний...»

<Фрагмент>

<...> ...Мы решили: едем все-таки к Волошину. В поэзии это звучало так:

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом открыт навстречу всех дорог
(М. Волошин. *Дом поэта*. 1926)

В прозе же выглядело более буднично и деловито:

«Прислуги нет. Воду носить самим. Совсем не курорт. Свободное дружеское сожитие, где каждый, кто придется «ко двору», становится полноправным членом. Для этого же требуется: радостное приятие жизни, любовь к людям и внесение своей доли интеллектуальной жизни» (из частного письма М. Волошина, 24 мая 1924 г.).

И вот через Феодосию — к конечной цели.

В отдалении от моря — селение. На самом берегу — дом поэта Волошина.

Еще с детства за какую-то клеточку мозга зацепился на всю жизнь образ юноши поэта Ленского: «всегда восторженная речь и кудри черные до плеч». А тут перед нами стоял могучий человек, с брюшком, в светлой длинной подпоясанной рубахе, в штанах до колен, широкий в плечах, с широким лицом, с мускулистыми ногами, обутыми в сандалии. Да и бородатое лицо было широколобое, широконосое. Грива русых с проседью волос перевязана на лбу ремешком, — и похож он был на доброго льва с небольшими умными глазами. Казалось, он должен заговорить мощным зычным басом, но он говорил негромко и чрезвычайно интеллигентным голосом. Он и стихи так читал — без нажима, сдержанно, хотя писатель И. А. Бунин в своих воспоминаниях, кстати сказать, недоброжелательных по тону, говорит, что Волошин, читая свои стихи, «делал лицо олимпийца, громовержца и начинал мощно и томно завывать. Кончив, сразу сбрасывал с себя эту грозную и важную маску...»¹. (Скажу попутно: ничего деланного, нарочитого, наблюдая ежедневно Максимилиана Александровича в течение месяца, мы не заметили. Наоборот, он казался естественно-гармоничным, несмотря на свою экстравагантную внешность.)

